

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет

**Событийный концепт как компонент
концептуальной организации текста: фактор адресата
(на материале публицистики)**

Согласно мнению Ю.М. Лотмана, Н.Д. Арутюновой, Т.Г. Винокур и др. исследователей¹, фактор адресата в современной лингвистике, ориентированной на принципы антропоцентризма, ставящего перед собой цель «очеловечить язык» [Мурзин, 1995, с. 11], становится особенно актуальным, поскольку позволяет исследователям увидеть в текстах прежде всего человека во всех сторонах его бытия, а также ответить на вопрос о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки языковых систем зависят от «человеческого фактора» [Кубрякова, 1995, с. 144-238]. Современный уровень развития науки о языке позволил исследователям говорить об антропотексте² как особом (антрополингвистическом) аспекте рассмотрения текста – с опорой на языковую личность автора и адресата (интерпретатора) текста в качестве его главной детерминанты. Очевидно, что за интересом к тексту просматривается интерес к проблеме языковой личности, поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 8].

Цель данного исследования – с одной стороны, выявить и описать когнитивные структуры текста, благодаря которым адресат (интерпретатор) может извлечь информацию «из сложных процессов понимания речевых актов и высказываний, из наблюдений, из имеющихся или полученных путем логического вывода предположений» [Т. ван Дейк, 1989, с. 16], а, с другой стороны, проследить, как данные когнитивные структуры «настраиваются» на фактор адресата. Т.е., цель работы – определить те когнитивные и лингвостилистические структуры текста, которые, говоря словами Ю.М. Лотмана, как бы включают «в себя образ «своей» идеальной аудитории», в то время как аудитория также включает в себя образ «своего» текста [Лотман, 2001, с. 203-204]. Владея некоторым набором языковых и культурных кодов, мы можем на основании анализа текстов выяснить, на какой тип аудитории они ориентированы.

По замечанию У. Эко, код, с одной стороны, «представляет собой *систему вероятностей*, которая накладывается на *равновероятность исходной системы*, обеспечивая тем самым *возможность коммуникации*» [Эко, 1998, с. 44]. При этом он устанавливает репертуар противопоставленных друг другу символов, правила их сочетания; окказионально взаимнооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому. С другой стороны, код – это и процесс означивания, «значащая форма, которую адресат-человек должен наполнить значением». Таким образом, означающее – это «смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благода-

1 См. об этом: [Лотман, 2001]; [Винокур, 1993]; [Арутюнова, 1981] и др.

2 См. об этом: [Голев, 1995]; [Голев, Чернышова, 2003].

ря кодам и лексикодам», причем эти вторичные коды и лексикоды (в отличие от исходных денотативных значений) «известны не всем, а *только какой-то части носителей языка*» [Там же, с. 45-56] (выделено нами – Т.Ч.). Очевидно, что тексты, ориентированные на разного читателя-интерпретатора, будут по-разному представлять один и тот же объект.

Предполагаем, что разный способ представления одного и того же объекта обусловлен разными задачами коммуникации в разных СМИ, объединенных единой целью: найти общий язык со «своим» читателем, т.е. «преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего *актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего*» (выделено нами – Т.Ч.), в соответствии с ожиданиями последнего» [Винокур, 1993, с. 60-63], ибо любой речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, и удовлетворение пресуппозиций последнего рассматривается исследователями как важное условие эффективности речевого акта [Арутюнова, 1981, с. 358].

Все изложенное обуславливает необходимость изучения особенностей коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной коммуникации, что, в свою очередь, побуждает исследователей обращаться, с одной стороны, к изучению когнитивной структуры продукта коммуникативного взаимодействия – текста – с точки зрения того, «как структуры языкового знания представляются (“репрезентируются”) и участвуют в переработке информации» [Демьянков, 1994, с. 22], а, с другой стороны, изучать различные способы, представляющие один и тот же объект (событие) в текстах разной психосоциальной направленности.

В качестве основной единицы, участвующей в построении когнитивной модели текста, мы предлагаем ввести понятие *событийный концепт*. Событийный концепт (СК) мы рассматриваем как структурный компонент концептуальной организации текста, «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков и др., 1998, с. 90], *которая актуализируется в сознании адресата-интерпретатора в процессе концептуального освоения факта-события*, получившего в тексте статус языкового факта.

Таким образом, событийный концепт служит не только «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [Там же], но и позволяет охарактеризовать те когнитивные процессы интерпретационной деятельности человека в ходе освоения им языкового факта-события через текст, которые обусловлены его психосоциальными установками, а также дискурсивными особенностями той социальной (идеологической) среды, которая воспринимающим индивидом оценивается как «своя».

Объективная реальность, существующая независимо от каждого человека, отражается в текстах. Текст состоит из отдельных суждений (высказываний). Каждое суждение, описывающее фрагмент реальной действительности, может быть как истинным, так и ложным. Убедиться в истинности или ложности суждения можно, лишь соотнеся содержание суждения с действительностью (произведя верификацию). Только после этого истинное суждение превращается в факт. «Значит, факт не существует в самой действительности: это результат нашего осмысления или переработки информации о действительности» [Понятие чести и достоинства..., 1997, с. 45.]. Данная мысль перекликается с мнением В.З. Демьянкова, утверждающего, что при интерпретации текста адресатом «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков, 2001, с. 309]. Таким образом, осмысление информации (факта) может быть разным в

разных СМИ, ориентированных на определенные психосоциальные стереотипы сознания того или иного социально-культурного сообщества.

Итак, реальное событие, описываемое в публицистическом тексте, будучи интерпретируемым автором с учетом фактора адресата, становится языковым фактом. Языковой факт, с одной стороны, будучи текстом, является *социально-речевым фактом*, с другой, будучи результатом мыслительной деятельности автора, отражает определенные социальные стереотипы (идеологемы) и является *социальным фактом*. Социальный факт, пропущенный через авторские и читательские установки, становится *мифологемой*.

Под *мифологемой* будем понимать устойчивые стереотипы языкового сознания читателей. *Мифологема*, по мнению Ю.М. Лотмана, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/слушающего включена в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте [Лотман, 2001]. Круг привычных ассоциаций, возникающих в сознании адресата в ходе интерпретации языкового факта-события, будем называть «ассоциативным полем событийного концепта (СК)».

Рабочая гипотеза нашего исследования состоит в предположении, что «свои» устойчивые стереотипы сознания (мифологемы), включенные в круг привычных ассоциаций, характерны для газетных текстов разной идеологической направленности, ориентированных на «своего» получателя информации. Представляется также, что мифологемы того или иного газетно-публицистического издания *будут постоянны* независимо от характера интерпретируемого факта-события.

Полагаем, что для успешного взаимодействия автора и адресата в газетно-публицистической сфере необходимо «*пересечение*» *концептуальных систем автора и адресата через текст*. Представляется, что такое пересечение можно осуществить через общность системы концептуальных установок (совокупность событийных концептов), представленных в тексте через систему ключевых слов (опорных пунктов интерпретации), являющихся узлами ассоциативно-вербальной (концептуальной) сети. *Ключевые слова* – это центры семантического притяжения, своеобразные узлы концептуальной сети, вокруг которых группируются другие единицы текста. Ключевые слова несут основную смысловую нагрузку. Они обозначают признак предмета, состояние, действие [Андреев, Хромов, 1991, с. 65] и составляют предметно-логическую основу текста. Это такие элементы, «без которых нет текста, которые являются для данного текста ключевыми, опорными... понятия, передающие смысл, предметные отношения, содержание сообщения» [Одинцов, 1980, с. 53]. Полагаем, что ключевые слова не только соотносят текст с действительностью [Там же, с. 55], но и, с позиций текста, организуют его когнитивную структуру, отражая те концептуальные основы в языковом сознании автора, благодаря которым он устанавливает контакт со «своим» читателем.

Смысловой анализ газетного текста с опорой на ключевые слова позволяет выявить тот круг понятий, которые прежде всего актуальны для читателя и, хотя и отражают позицию автора, учитывают потребности адресата.

Данные положения находят подтверждение при сопоставительном анализе текстов одной тематики в средствах массовой информации, ориентированных на разных получателей информации¹. Эта ориентированность проявляется как на содержательном уровне текста – через интерпретацию события (совокупность событийных концептов), так и на языковом уровне – через отбор языковых средств – через языковые приемы выразительности, стилистическую окраску языковых еди-

¹ См. об этом: [Чернышова, 2003]; [Голев, Чернышова, 2003]; [Чернышова, 2003а] и др.

ниц и стилистическую тональность публикации в целом, позволяющие авторам публикаций оставаться в привычной для своего читателя языковой и смысловой парадигме, независимо от тематики и особенностей отображаемого факта-события.

Объектом изучения в данной статье послужили газетные публикации, посвященные террористическому акту в Москве («Теракт на Дубровке») в октябре 2002 года¹.

Прием свертывания (отбор ключевых слов – опорных пунктов интерпретации), осуществленный на материале разных газетных публикаций, позволил выделить в качестве смыслообразующей концептуальной основы текстов, отражающих описываемое факт-событие, следующие языковые единицы, составляющие «узлы» вербально-семантической (по Ю.Н. Караулову): *терракт – террористы – заложники, спецназ – власть – спецоперация – президент – политики – СМИ – война в Чечне – терроризм – мы*. Очевидно, что каждое из этих понятий в сознании «разноориентированных» читателей (вне контекста) включено в некоторый круг привычных ассоциаций (ассоциатов), и этот круг привычных ассоциаций должен быть учтен пишущими, заинтересованными в установлении контакта со «своим» читателем, т.е. он должен поддерживаться на уровне контекста.

Схема № 1. Общая когнитивная структура факта-события (по материалам газет)

Центр

Уровень 1: событие и его участники: теракт – террористы – заложники – Россия (место события);

Уровень 2 (зеркальный): контрсобытие и его участники: спецоперация (контрдействие, противопоставленное теракту) – спецназ (антипод террористов) – власть, принимавшая решение – президент (главный субъект, принимающий решение) – спасенные – убитые (заложники – террористы) – врачи;

Периферия – то, что сопутствовало событию

Уровень 3: что привело к созданию ситуации (до события): действия (бездействие) властей – война в Чечне – международный терроризм – заказчики – «анти-террористическая коалиция» – мир;

Уровень 4 (во время события): заочное участие в событии: СМИ – политики.

В данной статье мы остановимся на описании только одного событийного концепта – **терракт**. Анализ текстов разной психосоциальной направленности позволил выявить различия в интерпретации этого события разными газетными изданиями, которые мы условно, по идеологическому принципу (в соответствии с нашей гипотезой), поделили на три группы: левоориентированные, правоориентированные, нейтральные.

Так, во всех публикациях, независимо от их идеологической направленности, отдается дань трагичности произошедшего (см. таблицу 1, п. 1):

Таблица № 1. Событийный концепт **терракт**

¹ Было проанализировано более 50-ти публикаций из следующих изданий: 1) центральные издания: «Аргументы и факты», 26.10.02; «Аргументы и Факты-Интернет» 29.10.02; 30.10.02; «Известия RU», 28.10.02; «Коммерсантъ», 2.11.02; «Коммерсантъ-Власть», 4-10.11.02; «Комсомольская правда», 25.10.02; «Комсомольская правда», 26.10.02; «Комсомольская правда», 29.10.02; «Итоги», 29.10.02; «Независимая газета», 28-29.10.2002; «Российская газета», 30.10.02; «Советская Россия», 29.10.2002; «Труд»; 2) газеты, издаваемые на Алтае: «Алтайская неделя», 31.10-6.11.2002; «Вечерний Барнаул», 29.10.02; «Вечерний Барнаул», 6.11.2002; «Маркер-Экспресс», 30.10.2002; «Свободный курс», 31.10.2002.

Леворадикальные	Праворадикальные	Нейтральные
1) трагические дни; московская трагедия; кровь и дым; трагедия (2); дни потрясений и утрат; случившаяся трагедия;	1) трагедия; драма в центре столицы; трагедия 23-25 октября, 56 кошмарных часов – время скупых новостей и томительных переговоров; страшная трагедия; чума; трагедия в Москве;	1) трагические события(4); теракт; события на Дубровке; произошедшие события;
2) удар для всего общества; урон, нанесенный обществу;	2) Горе Москвы – горе всей России;	-
3) акция террористов на Дубровке; ужасный и отчаянный шаг (террористов);	3) захват; зверское преступление; беспрецедентный захват сотен заложников; грубого шантажа, направленного на подрыв устоев государственности;	3) исполнителей акции, камикадзе, не считавших нужным даже кормить предназначенных на убой людей;
4) Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки; Цена вашей /депутатов/ продажности мае 1999-го;	-	-
5) Третий «Курск»; «Курск», набитый детьми и женщинами в самом центре Москвы	5) У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию	
-	б) удар в сердце всего человечества	-
-	-	7) Не в санаторных условиях они пребывали 57 часов, а в настоящем концлагере; в зале было дикое зловоние

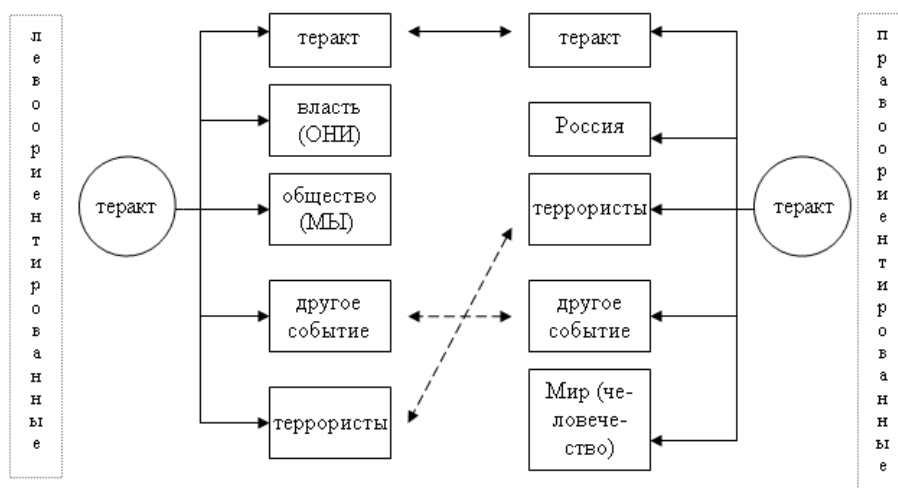
Однако набор ассоциатов, связанных с этим событием, у разных изданий разный (см. таблицу 1, п. 2-7). Так, для леворадикальных изданий **теракт** – это *трагедия, удар* (урон) для всего **общества** (при этом общество и Россия не одно и то же), *акция, шаг* (ужасный и отчаянный) **террористов**, *провал спецслужб, цена продажности депутатов, третий Курск* (событийный ряд, подтверждающий бездейственность и беспомощность властей). Далее, используя прием интерпретационного анализа, мы можем установить, с какими другими событийными концептами ассоциативно связан СК **теракт** в представлении «леворадикального» читателя. Ими являются СК *общество, террористы, спецслужбы, депутаты (власть)*, а также некий событийный ряд (*третий Курск*), позволяющие в привычной для читателя манере интерпретировать факт-событие как оче-

редной провал действующей политической системы: *Наискандальнейший провал лично его /Патрушева/ и всей Лубянки; Третий «Курск»; «Курск», набитый детьми и женищинами в самом центре Москвы; предтеча нынешней трагедии – октябрь 1993; Цена вашей /депутатов/ продажности в мае 1999-го взывается с народа сегодня – в октябре 2002; Трагедия на Дубровке является прямым следствием попыток Кремля и лично Путина впрячься в «антитеррористическую» колесницу, коренниками в которой являются Буш и Блэр и др. («Советская Россия»).*

Для правоориентированных изданий **теракт** – это *трагедия; драма (страшная, кошмарная); горе всей России* (Россия = общество); *захват; зверское преступление; беспрецедентный захват; грубый шантаж террористов; свое 11 сентября* (Россия – мир, Америка¹); *удар в сердце всего человечества*. Таким образом, событийный концепт теракт соотносится с СК *Россия (общество), террористы, мир (Америка), человечество*.

Для СМИ, придерживающихся идеологического нейтралитета, с **терактом** ассоциируются *трагические события; акция камикадзе (террористы); настоящий концлагерь для заложников*, т.е. СК **теракт** соотносится с СК *террористы и заложники*.

Схема № 2. Ассоциативное поле СК **теракт** по публикациям разноориентированных СМИ

Очевидно, что представление факта-события в разноориентированных СМИ различно (см. схему 2). Различие это проявляется как на содержательном уровне текста (через круг привычных для «своего» читателя ассоциаций), так и на уровне языкового кода.

Более или менее одинаково разноориентированные СМИ описывают само событие, причем, если в левоориентированных СМИ основным средством описания являются лексемы **трагедия, трагический** в значении (*перен.*) «трагическое со-

¹ Интересно отметить, что события 11 сентября 2001 г. в Америке правоориентированные издания трактовали как *всемирную катастрофу; черный день цивилизации; вызов человечеству*, в то время как ассоциативный ряд левоориентированных изданий был более разнообразен (за исключением ассоциата *всемирная катастрофа*): *трагедия Америки, позор Америки, крушение мифа о нескрушимости Америки, месть Америке, возмездие, справедливое возмездие Америке*. См об этом: [Чернышова, 2003, с. 94-103].

бытие, происшествие, несчастный случай»²: *трагические дни*; *московская трагедия*; *трагедия* (2); *случившаяся трагедия*; а также продолжающие этот ряд описательные конструкции *дни потрясений и утрат*; *кровь и дым*²; то в правоориентированных СМИ номинативный ряд, ассоциированный с лексемой **теракт**, более разнообразен и выразителен: *трагедия*; *трагедия 23-25 октября*; *трагедия в Москве*; *страшная трагедия* (данное определение, как и два последующих, актуализирует дополнительное значение лексемы трагедия как «тяжелое событие, глубокий конфликт, приносящие горе, являющиеся причиной глубокого нравственного страдания»); *56 кошмарных часов – время скупых новостей и томительных переговоров*; *драма в центре столицы* (ср.: драма – *перен.* «тяжелое событие, несчастье, переживание, являющееся причиной глубокого нравственного страдания»); *чума*. Последнее наименование можно рассматривать как контекстуальный синоним, поскольку содержащаяся в его значении сема «тяжелое событие, несчастье», объединяющая все ранее упомянутые номинации, не представлена словарными дефинициями (ср.: «1. Острая заразная эпидемическая болезнь; 2. *прост.* Употребляется как бранное слово) и актуализируется лишь под влиянием контекста.

В нейтральных СМИ теракт характеризуется более сдержанно как *события на Дубровке*; *трагические события* (4 словоупотребления); *произошедшие события*. Таким образом, общую тональность языковых единиц, обозначающих **теракт** в правоориентированных СМИ, можно представить в виде своеобразной «шкалы экспрессивности»: **теракт** – событие (нейтральные СМИ); трагедия (левоориентированные); страшная трагедия (правоориентированные).

Все прочие событийные концепты, ассоциированные с СК **теракт**, в правоориентированных СМИ образуют самостоятельные ассоциативные поля, которые практически не пересекаются (см. схему 2), поскольку ориентированы на определенного получателя информации, и по-разному организованы.

1. Например, СК **теракт** в сознании левоориентированного читателя ассоциируется с концептом **вины**. Наиболее общее направление интерпретации факта-события в левоориентированных СМИ, даже в первых публикациях, – **теракт => виновники теракта** – действующая (предыдущая) власть, поскольку она является оплотом иных, чем принято в данной идеологической группе, установок). Таким образом, мифологема выводит понятие «событийный концепт» за пределы конкретного текста в дискурсивное пространство, отражающее особенности языкового сознания левоориентированной части современного российского общества через СМИ.

Идеологизированное сознание левоориентированного читателя делит мир на две непримиримые части, к одной из которых относится СК **мы** (как правило, положительная эмоционально-экспрессивная окраска и мелиоративная оценочность) и **они** – власть и все, что с ней связано (ярко выраженная сниженная эмоционально-экспрессивная окраска с пейоративной оценочностью, усиливаемая функционально-стилевой окраской разговорности, просторечности, жаргонности), см. таблицу 2.

¹ Здесь и далее ссылки даются по следующим словарям: [Ожегов, 1984], [Словарь русского языка, 1981-1984].

² Интересно, что номинация *кровь и дым*, хотя и располагается в номинативном ряду **теракт**, но ассоциируется не с захватом заложников, а с его последствиями, носившими трагический характер: со штурмом, с действиями спецназа, врачей и т.п.

Таблица № 2 Представление событийных концептов **мы** и **они**
в левоориентированной прессе

МЫ (со знаком «плюс»)
<p>1) выражаем сочувствие: <i>Разделяем боль наших соотечественников, скорбим вместе с ними, соболезуем; Слова признательности спецназовцам;</i></p> <p>2) испытываем гордость: <i>гордимся, что у России есть доктора, для которых их врачебный долг – превыше всего;</i></p> <p>3) все знаем и правильно понимаем: <i>Такие переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями; Эйфория российских СМИ по поводу освобождения заложников не должна заслонять от нас подлинные причины случившейся трагедии; В основе случившегося лежат две чеченские войны, первая из которых развязана преступным режимом Ельцина, вторая – режимом Путина;</i></p> <p>4) заботимся об интересах народа: <i>Правда нужна живым, чтобы не повторять своих ошибок;</i></p> <p>5) единое целое со своим народом: <i>Давайте искать истину вместе, всем миром;</i></p> <p>6) объективно оцениваем ситуацию: <i>Тщательный анализ обстоятельств самого захвата заложников, комментарий западной и российской прессы, свидетельства очевидцев и другие материалы....</i></p>
ОНИ (со знаком «минус»)
<p>1) безнравственны: <i>Уже в том, что многие политики (ср.: политикан – «презр. Беспринципный политик, политический деятель, неразборчивый в средствах для достижения своих целей») не считают нужным выражать соболезнование родным и близким убитых, говорит о безнравственности власти и всей так называемой российской элиты; культ чистогана (разг.), блатняка (жарг.), легкой наживы, всемерно пропагандируемый в стране, может давать и вои такие плоды; коррупция им даже на руку; Говорит о безнравственности власти и всей так называемой российской элиты;</i></p> <p>2) избрали геноцид политикой: <i>для власти, которая уничтожает до миллиона жителей страны в год, 120 убитых заложников – суиций пустяк (ср.: геноцид – «порожденная империализмом и фашизмом политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам»);</i></p> <p>3) скрывают правду, лгут: <i>Она (правда) все равно проступит через кровь и дым, через мутную завесу неискренности, фальши (ср. фальшь – «притворство, лживость, неискренность»), которую уже сейчас пытаются набросить на трагедию;</i></p> <p>4) бессильны, неспособны управлять страной: <i>Где в это время были правоохранительные органы, милиция, администрация ДК, постановщики мюзикла? Вряд ли можно найти пример столь вопиющей беспечности и безответственности; стремление изобразить войну в Чечне как часть всемирного террористического заговора против России выгодно Кремлю. Оно продиктовано бессилием российской власти справиться с ситуацией в республике;</i></p> <p>5) продажны: <i>Цена вашей /депутатов/ продажности (эмоционально-сниженная окраска) в мае 1999-го взыскивается с народа сегодня – в октя-</i></p>

бре 2002; Президент Путин, ...разумеется, тоже считает, что Россия является неотъемлемой частью «антитеррористического фронта», и делает все, что в его силах, чтобы приковать ее к этому фронту; откровенно, не скрываясь, продают ...свои голоса; Это же вы не дали в мае 99-го положить конец геноциду, оградить кровавого Ельцина (ярко выраженная пейоративная окраска) от ответственности за чеченскую бойню (ср.: бойня – массовое убийство людей, резня, побоище)), за пачку долларов спасли его от импичмента!

б) виновны в распространении терроризма: Его режим вскормил русской кровью чудовище террора (о Ельцине); Тогда Мовсару Бараеву было только 12 лет... Годы оголтелого (разг.) антисоветизма и русофобства воспитали из него бандита; Зловещая тень Ельцина и семьи лежит на этой трагедии.

При этом СК **мы**, с одной стороны, собирателен: это и «простые» люди, и народы мира, ср.: *Между тем народы мира все отчетливее понимают, что т.н. «антиимпериалистическая операция» является всего лишь ширмой войны США за мировое господство; это и «мы с вами», т.е. журналисты, пишущие в этих изданиях, и «свои» читатели, например: «Давайте спрашивать, ставить острые вопросы перед властью; Давайте искать истину вместе, всем миром, чтобы спасти свой мир от новых потрясений и утрат («Советская Россия»).* С другой стороны, СК **мы** обезличен, представлен либо через определенно-личные односоставные предложения, причем позиция подлежащего может быть формально замещена местоимением «мы», в действительности же носит неопределенный характер, например: *разделяем боль, скорбим, соболезнуем; испытываем гордость: гордимся..., либо предложениями безличными: переговоры следовало вести не с исполнителями, а с главарями и т.п.*

Напротив, СК **они** предельно конкретизирован, начиная от субъектов власти: президент, политики, депутаты, и заканчивая «пофамильным» перечислением «виновников трагедии»: *Кровью невинных людей он (спецназ) смывал провалы, предательство и ротозейство Путина, Патрушева, Рушайло, Грызлова, Лужкова, Пронина и иже с ними... («Советская Россия»).*

2. В сознании правоориентированного читателя СК **теракт** ассоциируется прежде всего со страшной трагедией, произошедшей в Америке 11 сентября 2001 г.: *У России теперь есть свое 11 сентября – трагедия 23-25 октября, которая должна объединить нацию.* Именно поэтому произошедшее рассматривается в аналогичном ряду и характеризуется, с одной стороны, как *горе всей России*, а с другой, – как *удар в сердце всего человечества* (ср. аналогичную оценку теракта в Америке правоориентированными СМИ как «всемирной катастрофы», «угрозы цивилизации», «вызова человечеству» [Чернышова, 2003, с. 94-103]). Наиболее общее направление интерпретации факта-события в правоориентированных СМИ следующее: **теракт => террористы**. Событие в аспекте действий террористов характеризуется как *захват; зверское преступление* (ср.: зверский – «жестокый, свирепый, дикий»); *беспрецедентный захват сотен заложников* (ср.: беспрецедентный – «не имеющий примера в прошлом; беспремерный, небывалый»); *грубый шантаж, направленный на подрыв устоев государственности* (ср.: грубый – «отличающийся отсутствием необходимого такта; резкий»; «нарушающий элементарные правила чего-л.; непозволительный, недопустимый»; шантаж – «запугивание, угроза...»). Последнее словосочетание, являясь по сути тавтологическим, придает действиям террористов дополнительную отрицательную оценочность. Для сравнения можно отметить, что интерпретация левоориентированными СМИ действий террористов далеко не так однозначна: от нейтрального *акция террористов на Дубровке*; до конструкций, передающих сочувствие к «чеченским маль-

чишкам и девчонкам», совершившим этот ужасный и отчаянный шаг. Если учесть, что лексема *отчаянный* («впавший в отчаяние») имеет еще несколько значений, отмеченных в толковых словарях как *разговорные*, например: отчаянный – «чрезвычайно тяжелый, безвыходный»; «не знающий страха, способный на самый рискованный поступок»; «чрезвычайный по силе своего проявления» и т.д., то данная характеристика действий террористов может рассматриваться как весьма положительная¹.

Если теперь «наложить» структуру СК **теракт** на общую когнитивную структуру факта-события (см. схему 1), то окажется, что часть СК, с которыми соотносится СК **теракт**², относится к ее центру (ядру) – *общество (Россия), террористы, заложники*, а часть – к периферии: *спецслужбы, власть* (левоориентированные издания); *мир (Америка), человечество* (правоориентированные издания). Мы предполагаем, что СК, соотносимые с периферией когнитивной структуры факта-события, представляют собой понятия, непосредственно направленные на установление контакта того или иного издания со «своим» адресатом, и являются областью продуцирования мифологем (устойчивых стереотипов сознания, обусловленных идеологической ориентацией субъекта речи). В этом смысле мы разделяем мнение исследователей о том, что мыслительное (понятийное, смысловое, логическое) содержание включает в себя и «а ф ф е к т и в н ы й (э м о ц и о - н а л ь н о - э к с п р е с с и в н ы й) к о м п о н е н т содержания» [Бондарко, 1978, с. 4], а «некоторым структурам присуща передача эмоций *совместно* с основной информацией» [Торсуева, 1976, с. 229].

Таким образом, разноориентированность газетных СМИ проявляется как через ассоциативную связь СК, извлеченного читателем из текста, с некой совокупностью привычных ассоциаций, понятных только носителю той или иной идеологии и выступающих часто в виде привычных мифологем сознания, сформированных в пределах определенного политического (идеологического) дискурса, так и через привычные способы описания того или иного факта-события. Данное наблюдение, на наш взгляд подтверждает мнение И.О. Стернина о существовании так называемого плюралистического дискурса, «допускающего сосуществование различных дискурсов, содержащих несовпадающие оценки одних и тех же фактов, ситуаций, теоретических положений, политических позиций» [Стернин, 1998, с. 30].

Литература

Андреев О.А., Хромов Л.Н. Техника быстрого чтения. М., 1991.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Голев Н.Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) //Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.

Голев Н.Д., Чернышова Т.В. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата //Вестник Томского государственного университета. Общenaучный периодический журнал. Серия «Философия. Культурология.

1 Ср. похожую оценку действий террористов при атаке на Америку 11 сентября 2001 г. журналистами левоориентированных изданий: «Атака с воздуха была организована и проведена **в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне!** Почти одновременно захватить четыре самолета..., направить лайнеры на небоскребы, точно вырулить на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов – **ну знаете ли!**» (Атака на Америку, «Правда», 13.09.01), «Террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор, синхронно и **бесстрашно** нанесли серию ударов» (Трагедия силы, «Советская Россия», 13.09.01) [Чернышова, 2002, с. 166-172].

2 Как правило, это то, что имеет отношение к событийной информации, без которой невозможно описание факта-события.

Филология». 2003. № 277.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. М., 1989.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // «Вопросы языкознания». 1994. № 4.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идеотнические) стратегии // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.

Лотман Ю.М. Мифологема // CD-диск «Психолингвистика». 2001. / www.psychology.ru

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.

Мурзин Л.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах прессы и средств массовой информации. М., 1997.

Словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 1 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж – Пермь, 1998.

Торсуева И.Г. Эмоциональность в речи // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М., 1976.

Чернышова Т.В. Фактор адресата как определяющий в сфере массовой коммуникации (на материале событий 11 сентября 2001 г.) // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. Вып. IV. Нижний Новгород, 2002.

Чернышова Т.В. Особенности коммуникативного взаимодействия автора и адресата через текст в сфере газетной публицистики // «Филологические науки. Научные доклады высшей школы». 2003. № 4.

Чернышова Т.В. Тезаурус как способ репрезентации внутренней когнитивной структуры публицистического текста. Фактор адресата // Актуальные проблемы русистики. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного ун-та. Томск, 21-23 октября 2003 г. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003а.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.